

РЕЦЕНЗИИ

The Non-Slavic languages of the USSR. Linguistic studies / Ed. by Aronson H. Chicago University press. 1989. 302 p.; The Non-Slavic languages of the USSR. New series / Ed. by Aronson H. Chicago University press. 1992. 292 p.

В отечественной науке пока еще недооценивается та значительная работа, которая во все возрастающем масштабе ведется по языкам бывшего СССР в дальнем зарубежье, и в частности в США. Между тем, даже если оставить в стороне медленно прогрессирующее здесь восточнославянское языкознание, последнее десятилетие ознаменовалось явной активизацией исследования таких языков, как кавказские, уральские, тюркские и некот. др. Так, в настоящее время соответствующие лингвистические дисциплины представлены в США именами Г. Аронсона, Р. Аустерлица, Дж. Грелпина, Б. Комри, Дж. Никольс, А. Хэррис, Д. Холиски и ряда других авторов, уже немало лет посвятивших разработке их проблематики, но с научным творчеством которых наше знакомство остается в целом совершенно недостаточным.

Одним из изданий, систематически публикующих работы американских и некоторых других зарубежных исследователей по названным языкам, является серия сборников, выходящих в свет под обозначенным выше грифом и содержащих обычно материалы организуемых в Чикагском университете международных конференций по неславянским языкам народов бывшего СССР (ранее они выходили в свет в отдельных выпусках *Folia Slavica*). Очередные два сборника этого профиля, один из которых (далее — LS I) завершает их предшествующую серию, а второй (далее — LS II) открывает новую, знакомят с материалами конференций, состоявшихся в Чикаго в 1987 и 1989 гг., прочитанных в свое время в форме докладов. Особенностью обеих рецензируемых публикаций является то обстоятельство, что центр тяжести представ-

ленных в них исследований падает на кавказские языки.

Кавказоведческие работы строятся здесь на материале всех семей автохтонных языков Кавказа, представленных примерно в равной пропорции. Несмотря на разнообразие рассматриваемых в них вопросов, во многих случаях они затрагивают достаточно актуальную проблематику науки как синхронного, так и диахронного плана. Так, если в последнем отношении наибольший интерес представляют тесно взаимосвязанные статьи Дж. Никольс и В. Шульце-Фюрхоффа, посвященные разным этапам истории системы именных классов в нахско-дагестанских языках, то в плане синхронии наиболее существенны, на наш взгляд, две публикации Г. Аронсона, затрагивающие важнейшие вопросы грамматической структуры грузинского глагола.

Статья Дж. Никольс "Нахские свидетельства истории рода в нахско-дагестанских языках" (LS I, с. 158—175) построена на совокупности наблюдений над функционирующими в последних именными классификациями и их синтаксическо-морфологическими проекциями. С учетом показаний фонетики анлаута субстантивов автор формулирует гипотезу, согласно которой, если оставить в стороне оппозицию одушевленного ~ неодушевленного (или человека ~ нечеловека), то здесь не видно скольконибудь однозначных семантических оснований классного разбиения имен. Согласно Дж. Никольс, хотя именная классификация должна была возникнуть еще до распада нахско-дагестанского прасостояния (о чем отчетливо свидетельствует репертуар классных экспонентов в согласуемых с именами членах предложения), механизм классной коор-

динации складывался здесь уже в условиях его существенной дифференцированности. В соответствии с традиционным мнением предполагается, что морфологический тип праязыкового состояния был весьма отличен от его современных продолжений и характеризовался, в частности, более выдержанным префиксальным строем. В осторожной форме автор указывает на способность приписать последующее развитие классного согласования и суффиксации в этих языках воздействию со стороны индоевропейских еще в эпоху бронзы, которое проявилось также в словарных заимствованиях, подобных нах.-даг. **(p)slaw-* “бык” при и.-е. **(s)tauro-* s.

В. Шульце-Фюрхофф (ФРГ) в статье “Как могут окаменеть классные показатели. К функциональной диахронии морфологических подсистем в восточнокавказских языках” (LS II, с. 189—233), обращается к одному из фундаментальных вопросов нахско-дагестанского языкознания. Разделяя распространенное в науке мнение о четырехклассной системе распределения имен в праязыковом состоянии, он подчеркивает необходимость трактовки соответствующего процесса с учетом закономерностей как фонетического, так и морфолого-синтаксического изменения. Далее автор формулирует тезис, согласно которому имена, содержащие окаменелые классные экспоненты, исторически должны были являться не субстантивами, а атрибутивами (и здесь он мог бы сослаться на работы Б.Б. Талибова и В.М. Иллич-Свитыча), и строит правдоподобную иерархию степеней способности классного экспонента к окаменению, из которой следует, что наиболее подверженными этому процессу должны были быть слова, содержащие рефлексы показателей III и IV классов. В заключение автор справедливо указывает, что для получения исчерпывающего списка движущих сил рассматриваемого процесса предстоит сопоставить целостные лексические системы этих языков, как в семасиологическом, так и в ономазиологическом планах.

Еще более широкую сравнительно-историческую проблематику затрагивают в сборниках две статьи Дж. Коларуссо (США). В одной из них (LS I, с. 20—55) содержится опыт обобщения абхазско-адыгского материала корневых и грамматических морфем, мыслящийся автором как первое приближение к рекон-

струкции праязыкового состояния. Помимо форм, представленных лишь в части из этих языков, здесь приводится список из более чем 60 общих для них лексем (главным образом — субстантивы, глаголы и числительные), реконструируемые в свете данных сравнительной фонетики. Несомненно, вместе с тем, что многое здесь еще потребует серьезных коррективов. В частности, статья служит еще одним свидетельством недостаточно удовлетворительного состояния методики семантической реконструкции, свойственного и другим кавказоведческим исследованиям [ср., например, реконструкцию таких семантем, как “осел” (№ 42), “приемный ребенок” (№ 45), “раб” (№ 64), “писать” (№ 67) и некот. др.]. Бросается в глаза и безоговорочная проекция в праязыковое состояние целой серии адъективов (ср. №№ 31, 36, 56, 59, 68), тогда как широко представленный еще в современных абхазско-адыгских языках именной синкретизм заставляет в этом усомниться.

В публикации того же автора “Филические связи протоиндоевропейского и протозападнокавказского” (LS II, с. 13—34) предпринята попытка показать отдаленное родство обеих лингвистических семей. В ее фокусе оказывается сопоставление некоторого числа грамматических и корневых морфем (последних здесь около двух десятков), предвещающее список формально-типологических аналогий между ними. По мнению Дж. Коларуссо, соответствующее праязыковое состояние, называемое им протопонтийским, имеет временную глубину около 10 тыс. лет. За автором, решительно отвергающим другие гипотезы о внешних генетических связях севернокавказских языков как *grand lumping schemes*¹, едва ли, однако, последует кто-либо из кавказоведов, не говоря уже об индоевропейцах. Статья отчетливо демонстрирует, насколько различна в настоящее время методическая и материальная оснащенность индоевропейской и абхазско-адыгской компаративистики, не позволяющая сколько-нибудь равноценного соположения их результатов.

Наконец, еще два диахронических

¹ Неясно, как относится автор к своему предшественнику, выдвигавшему гипотезу о принадлежности адыгских языков к числу индоевропейских (см. [1]).

исследования принадлежат продуктивно работающему картвелисту К. Тьюиту. В первом — "География грузинского аффикса *-qe*" (LS I, с. 283—302) — рассматривается история одного из загадочных явлений грузинской морфологии. Будучи, по-видимому, впервые засвидетельствованным в письме Давида Агмашенебели, датированном 1125 г., он затем распространился по грузинской языковой области, не затронув только ее крайний северо-восточный ареал. В поисках основных факторов, обуславливающих его функционирование, автор подтверждает вывод, согласно которому суффикс в первую очередь связан с обозначением одушевленного косвенного объекта, а также с правилами топиализации в предложении. Признавая, что генезис морфемы остается неясным, К. Тьюит полагает, что ключ к решению этой задачи способно дать его функционирование в роли показателя Aktionsart'a в ферейданском и мтиульском диалектах.

В другой его статье — "Категория числа в общекартвельском" (LS II, с. 245—284) — предпринимается опыт реконструкции этой грамматической категории в праязыковом состоянии. Опираясь на согласованные показания картвельских языков, К. Тьюит приходит к заключению о давности способов выражения плюралиса в глаголе, подчеркивая, однако, очень слабое развитие числового согласования, преодоленное только в эпоху грузинско-заского единства. Автор разделяет гипотезу о едином происхождении некоторых именных и глагольных признаков числа, требующую, на наш взгляд, более основательной аргументации. С его общим выводом о том, что в целом способы выражения этой категории претерпели в картвельских языках глубокие преобразования, нельзя не согласиться.

Среди исследователей синхронного плана выделяются две публикации известного американского картвелиста Г. Аронсона. В статье "Словоизменение и деривация в грузинском спряжении" (LS I, с. 1—19) автор задается вопросом о соотносительном месте обоих в формально разграниченных ранее четырех конъюгационных типах (ср. [2]). Опираясь на процедуру, предложенную Э. Станкевичем [3], он устанавливает, что наиболее слабо парадигматическое спечение глагольных рядов выражено в III и IV спряжениях и, напротив, более четко — в I и II, хотя и в последних налицо глагольные

словоформы, связанные по существу деривационными отношениями (ср. связи между рядами настоящего и будущего времени, словоформы которого образуются посредством присоединения превербов к формам презенса).

Во второй — "Об обозначении O_3 в грузинском языке" (LS II, с. 1—17) — Г. Аронсон, исходя из необходимости разграничения понятий валентности и персональности картвельского глагола, подчеркнутой Т.М. Гамкрелидзе (см. [4]), полемизирует с исследователями, существенно расширяющими совокупность средств передачи 3 лица объекта в этом языке. В итоге дистрибутивного анализа функционирования материала он приходит к выводу о неадекватности формулировок о "префиксе" $\emptyset$ - как прямообъектном показателе 3 лица (в отличие от $\emptyset$ - как признака 2 лица субъекта, имеющего отчетливую дистинктивную функцию). Лишены подобной функции и факультативные префиксы *s-//h-*, а также версионные формативы *a-* и *e-*. И лишь преф. *u-* может считаться (с некоторыми оговорками) дистинктивным признаком 3 лица объекта. Думается, что здесь было бы излишним добавить, что в плане диахронии префикс *s-//h-* иллюстрирует процесс отмирания некогда функционально вполне определенной величины.

В статье "Частица *-a* в удинском" (LS II, с. 135—156) А. Хэррис оспаривает распространенный (думается, по некоторой внешней аналогии с картвельскими данными) в специальной литературе взгляд, квалифицирующий эту морфему в качестве вопросительной частицы. Анализируя ее употребление в составе вопросительного предложения, она приходит к выводу о том, что это скорее особый согласовательный элемент — вариант морфемы 3 лица ед. числа. Автор апеллирует при этом к тому, что он налицо в предложении наряду с вопросительным словом, что он оказывается в дополнительной дистрибуции с личным показателем 3 лица ед. числа *-ne* и что содержащийся в предложении глагол является прямым, а не инверсивным.

Публикуемые в сборниках две работы В. Фридмана продолжают серию его исследований по анализу грамматической структуры лакского языка. В одной из них (LS I, с. 106—120) автор предлагает упорядочить широко варьирующую у разных дагестановедов терминологию

в обозначении восьми прошедших времен лакского глагола. В другой — "Лакское именное склонение: 40 или 50 падежей (LS II, с. 118—139) — предпринимает опыт разграничения падежных морфем и их алломорфов, с одной стороны, и "продуктивных" и "непродуктивных" показателей, с другой. В итоге своего исследования автор получает парадигму в составе 10 грамматических и адвербиальных падежей и 30 или 36 локативов (что связано с возможностью двоякого описания части последних). На наш взгляд, работа служит образцом выявления статического и динамического в синхронном состоянии языка.

Отметим, наконец, еще две работы, примыкающие к кавказоведческому циклу. Р. Штемпель (ФРГ) в статье "Еще раз о древнеармянском транзитивном перфекте" (LS I, с. 209—216) возвращается к структурно-типологической интерпретации неоднократно обсуждавшихся ранее древнеармянских построений типа *nora goréal é z-gorc* "он сделал работу". Констатируя довольно очевидный параллелизм развития индоевропейской пассивной конструкции в армянском и иранском языках, автор не без основания воздерживается от квалификации этого построения в качестве эргативного (вместе с тем, отказ от признания его активного характера не согласуется с трактовкой организующего его глагола как переходного). Д. Тестен в статье "Ибн-Руста и Бакри об осетинах и абхазах" (LS II, с. 235—244) на базе филологического анализа текстов обоих арабских авторов X столетия делится своими соображениями о локализации названных этносов на Кавказе².

Несмотря на очевидную неравноценность охарактеризованных выше материалов, отражаемую, в частности, и различным масштабом рассматриваемой проблематики, их авторы так или иначе затрагивают актуальные вопросы кавказского языкознания. В ряде случаев эти работы выявляют заметный контакт с лингвистической теорией и, прежде всего, с конкретными методическими приемами современного исследования. Учитывая то обстоятельство, что наши зарубежные коллеги, в частности, американские, значительно лучше осведомле-

ны о наших работах, чем мы об их трудах, не будет преувеличением признать, что через некоторое время это может сказаться на лидирующем положении отечественной науки (особенно в сфере нахско-дагестанского языкознания).

По ходу презентации содержания обоих сборников уже были высказаны некоторые конкретные соображения, возникающие при их чтении. Складывается, вместе с тем, и некоторое более общее впечатление о состоянии современного западного кавказоведения. Бросается в глаза, в частности, что среди рассмотренных публикаций нет ни одного материала по интереснейшей проблематике ареального взаимодействия языков Кавказа, что служит характерным свидетельством все еще слабого внимания к ней со стороны не только наших кавказоведов (среди минимума работ этого плана, вышедших в свет за два последних десятилетия, отметим известную монографию М. Йоба [5] и отдельные статьи Р. Бильмайера и Х. Фенриха). Между тем, это негативным образом сказывается и на исследованиях генетического характера, по-прежнему нередко оперирующих неисконным материалом позднего происхождения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, также по существу характеризующее и отечественную науку, что кавказское языкознание остается по сей день крайне слабо связанным с данными смежных наук — этнографии, истории, археологии — способными делать его выводы (особенно, когда это касается диахронии) более достоверными. Наконец, следует заметить, что хотя западные исследователи широко используют специальную литературу на русском и грузинском языках, заметно их незнание с некоторыми (далеко не всегда недавними) отечественными изданиями, что, на наш взгляд, говорит о нестабильности существующего научного обмена.

В заключение остается отдать должное большой организаторской деятельности проф. Г. Аронсона в объединении усилий американских и других зарубежных лингвистов в изучении славянских языков бывшего СССР, а также в проведении соответствующих конференций и оперативной публикации их материалов. Хочется выразить надежду, что сложившаяся в Чикагском университете традиция издания сборников подобного рода будет продолжена.

² Среди публикуемых в сборниках материалов по другим дисциплинам заметное место принадлежит баллистике и тюркологии.

- 1 *Shawket Mufti (Habžoga)* Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen Einleitung und Lautlehre Heidelberg, 1978
- 2 *Aronson H* Georgian a reading grammar Columbus (Ohio), 1982 P 40
- 3 *Stankiewicz E* The interdependence of paradigmatic and derivational patterns // *Word* 1962 18

- 4 *Гамкрелидзе Т В* "Валентность" и персональность глагола // *Лингвистический сборник*. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- 5 *Job D M* Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus Frankfurt/M, Bern, 1977

Климов Г А

Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I: A—O, II — P—Ž. Rīga: Avots, 1992. 638 + 667 lpp.

Серия этимологических словарей и.-е. языков пополнилась новым интересным изданием: впервые издан фундаментальный двухтомный этимологический словарь латышского языка. До последнего времени разрозненные этимологии латышских слов можно было найти только в четырехтомном толковом словаре латышского языка Мюленбаха—Эндзелина [1] и, конечно, в стандартных этимологических словарях и.-е. языков, в журнальных заметках и в сборниках (ср., например [2—6]).

Отдельная словарная статья рецензируемого словаря включает соответствия в различных и.-е. языках (особенно в славянских) и определенный и.-е. корень, к которому автор относит анализируемое слово (в том виде, в котором этот корень представлен в "Этимологическом словаре индоевропейских языков" Ю. Покорного; к сожалению, новейший индоевропейский словарь С. Манна [7] в работе К. Карулиса не нашел никакого отражения). Кроме того, в ряде случаев в отдельных словарных статьях содержится краткая история соответствующего латышского слова в диалектах и в литературном языке; некоторые статьи содержат перекрестные ссылки в пределах рецензируемого словаря, а также семасиологические параллели того или иного перехода значений (хотя далеко не везде и не в наиболее важных случаях). Автор исходит по традиции из положения о том, что слово может иметь одну-единственную этимологию. Совершенно не учитывается так называемая множественная этимология слова (в эксплицитивном виде она разрабатывается в Н. Н. Топоровым): согласно этой концепции, отдельные этимологические решения можно рассматривать как различные степени

приближения в матрице этимологической относительности. Отсутствуют в словаре К. Карулиса и ссылки на мифологическую символику: именно такой подход, как показывает практика, дает редкую возможность проникнуть в самую суть этимологической траектории слова и ввести ее в русло общечеловеческой культуры. Следует отметить, однако, что рецензируемый словарь содержит ряд новых и интересных этимологий латышских слов, предлагаемых впервые. Вместе с тем в нем много и традиционных этимологий, которые далеко не всегда отвечают современному состоянию разработки истории соответствующего слова. Список литературы, которым заканчивается каждая словарная статья, обычно довольно полон, хотя в ряде случаев в нем отсутствуют ссылки на новейшие зарубежные этимологические исследования. В качестве приложения ко второму тому дан выдержанный в нормативных традициях очерк "Индоевропейские языки и этимология", в котором рассматривается основная проблематика индоевропейистики и этимологического анализа и.-е. языков (и.-е. праязык, прародина индоевропейцев, и.-е. фонетическая система, этимология и история слов, история латышской этимологии и др.)

Рассмотрим некоторые латышские слова, которые допускают этимологические решения, отличные от приводимых в рецензируемом словаре, а также слова, вообще не имеющие в нем этимологии (ср [8—9]).

1. Понятия "класть" (> "лежать") соотносятся с понятиями "бросать, кидать, толкать, бить, резать" (ср. др.-англ. *snidan*, букв. "резать", но глосса "accumbere", русск. *лежать*, но русск